

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

РЕЦЕНЗИЯ

Проскурина Е.Н. Фаустиана Андрея Платонова
(на материале прозы 1920—1930-х годов).
М.: Новый хронограф, 2015. 350 с.

Скупыми догадками о художественном коде, восходящем к «Фаусту» Гёте и потаенно реализованном в творческой биографии Андрея Платонова, первыми поделились мемуаристы. По свидетельству одного из немногих гостей, в 1930-е гг. побывавшего в скромной квартире писателя на Тверском бульваре, особенно запомнилась необычная деталь письменного стола: на рабочем бюро стоял чугунный чертик с отбитым копытцем и, словно «наблюдая» за процессами творчества, одной из уцелевших когтистых лап дразнил создателя «Джан» и «Реки Потудань», напоминая о вечном споре художника с демоном-искусителем...

К изучению философско-эстетической составляющей «фаустианы» в творчестве Платонова исследователи приступили сравнительно недавно, «на руинах позитивистской эстетики» подчеркивая избирательность и новизну стоявших перед ними задач. После обсуждения общих «координат фаустовской проблематики» (Л. Дебюзер), намеченных в 1990-е гг., в последнее десятилетие время от времени предпринимались попытки выявить соотношенность сюжетно-образных решений писателя с легендарной трагедией Гёте. К сожалению, чаще всего рассматривались лишь отдельные произведения, что не позволяло составить целостный взгляд на проблему: за рамками научных разысканий оставались вопросы генезиса, эволюции и типологических константы в платоновской рецепции образа Фауста.

Монографию Е.Н. Проскуриной с полным основанием следует считать первым фундаментальным исследованием трансформации «фаустианского сюжета» в платоновской прозе 1920—1930-х гг. Автор книги исходит из концептуально важного положения о том, что в уже начале творческого пути Платонова Гёте воспринимается «как создатель влиятельных моделей жизненного поведения», а Фауст и связанный с его образом комплекс идей и метафор «в отечественном культурном сознании становится одним из ведущих концептов революционной эпохи» [2. С. 17].

В связи с избранной темой в книге впервые рассматриваются ранние произведения писателя. Сюжетика, основанная на преувеличенной вере во всемогущество человеческого разума, разумеется, не была чужда Платонову первых пореволю-

ционных лет. Воронежский журналист, поэт и «рабочий-философ», увлеченный «началом царства сознания», прошел через искушение публицистической риторикой, побуждавшей говорить о «восстании» на «неправильную вселенную».

Е.Н. Проскурина показывает, что метафора «фаустовская душа», предложенная Шпенглером, «точнее всего характеризует и самого Платонова, с его жадной “доработаться до Истины”, стать “строителем страны”, увидеть миг свободы и счастья своего “бедного и родного народа”» [2. С. 17]. Нельзя не признать, что для начинающего писателя «сюжет пересотворения мира — не столько социально-идеологический, сколько “поэтический” проект» [2. С. 36], что «начало 1920-х годов отмечено мучительными попытками на основе разных источников выработать цельное знание» [2. С. 43]. В предисловии к сборнику своих стихов «Голубая глубина» Платонов напишет: «Человек каменный еле зеленеющий мир превращает в чудо и свободу. Мир становится призраком, а человек постоянством и твердою ценностью» [1. С. VI], демонстрируя тем самым отнюдь не радикальные «аксиологические предпочтения».

Обращаясь к платоновским «утопическим фантазиям» начала 1920-х годов и к повести «Эфирный тракт», Е.Н. Проскурина внимательно прослеживает, как формируется и «разворачивается в творчестве писателя “семантическая стратегия фаустовского сюжета”». Исследователем выявляются повторяющиеся фабульные элементы, «закрывающие в круг сюжет “восстания на вселенную”». Приведенные в книге наблюдения позволяют говорить об «отрицательном итоге художественного эксперимента» писателя в «жанре научной утопии» [2. С. 103]. Напомню и о существенной детали: «В “Эфирном тракте” в траурном Доме воспоминаний хранится урна в память Андрея Вогулова», герое рассказа «Сатана мысли» [3. С. 15]. Исчерпанность утопических и фантастических «фантазий» в творчестве писателя, очевидно, проявлялась не только фабульно, но и символически.

Как устанавливает автор монографии, «память» платоновского текста о человеке, подверженном искушениям разума, получает «отзвук» и в повести «Эпифанские шлюзы», сопоставление которой с рассказами начала 1920-х годов оправдано сходством важнейших мотивов, восходящих к трагедии Гете. В главе о «Котловане» и «Ювенильном море» платоновскую «фаустиану» существенно дополняют тонко проведенные параллели с Новым Заветом, иконографическими традициями, «Медным всадником». Интересен анализ «семантики греховности», сигнализирующей о человеческом заблуждении и о бытийном состоянии мира, в котором понятие об истине упразднено «как неудобное, осложняющее и без того безрадостную жизнь» [2. С. 138]. «Фаустианское начало» в повести «Ювенильное море» рассматривается Е. Н. Проскуриной как «художественный автодиалог» писателя, позволивший ему «отобразить драматический диссонанс между внешним и внутренним бытием эпохи» [2. С. 224].

Известно, что автодиалог может привести и к пародии, и к травестию. По мнению автора монографии, в рассказах «Государственный житель» и «Усомнившийся Макар» пародируется государственная идеология и травестируются «герои фаустианского типа» [2. С. 225], тогда как в рассказе «Мусорный ветер» обнаруживают свою злободневность идеи «Заката Европы», и как следствие — предмет изображения является «деградировавшая власть, нисходившая от духа — к

телу» [2. С. 249]. Проведенное исследование показывает, что в произведениях писателя, «вступившего в пространство фаустовской традиции», переосмысленный сюжет сопрягается с легендарно-мифологическими проекциями. Подтверждением тому является прочтение повестей второй половины 1920-х годов, романа «Счастливая Москва», «культурно-исторический и автобиографический фон» которого (легенды об Агасфере, Симоне-маге, Книдский миф) представлен в монографии с достаточной полнотой.

Исследователь приходит к выводу, что профетический смысл творчества Платонова состоит в том, что писатель «сумел провидеть стратегию образа героя фаустианского типа на протяжении всего грядущего столетия, показав его нисхождение от демиургической мощи к усталости и внутренней опустошенности». Нельзя не согласиться с тем, что существенное место в творческих стратегиях Андрея Платонова отведено реализации «аллюзий не только на трагедию Гёте, но и на архетипический сюжет договора с дьяволом в его разнообразных проекциях» [2. С. 2].

Новая книга Е.Н. Проскуриной убедительно свидетельствует: «не отказываясь от своего разума», Платонов ни в каких проекциях «договора с нечистым» не заключал.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Предисловие // Платонов А. Голубая глубина. Книга стихов. Краснодар, 1922.
- [2] Проскурина Е.Н. Фаустиана Андрея Платонова (на материале прозы 1920-х — 1930-х годов). М.: Новый хронограф, 2015.
- [3] Свительский В.А. Андрей Платонов вчера и сегодня. Статьи о писателе. Воронеж, 1998.

REFERENCES

- [1] Predislovie. Platonov A. Golubaia glubina. Kniga stihov [The blue depth. Book of verses]. Krasnodar, 1922.
- [2] Proskurina E.N. *Faustiana Andrey Platunova (na materiale prozy 1920—1930 godov)* [Faustiana of Andrey Platoniov]. M.: Novy khronograf, 2015.
- [3] Svitelskiy V. *Andrey Platonov vchera i segodnia. Statyi o pisatele* [Andrey Platonov yesterday and today]. Voronezh, 1998.

Кандидат филологических наук
О.Ю. Алейников